

Н. Кукольник

Сочинения драматические

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Кукольник**
Сочинения драматические / Н. Кукольник – М.: Книга по Требованию, 2014. –
576 с.

ISBN 978-5-517-95797-9

ISBN 978-5-517-95797-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОРКВАТО ТАССО,
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,
ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ
СЪ ИНТЕРМЕДИЕЙ, ВЪ СТИХАХЪ.

—

(Писана въ 1830 и 1831 годахъ.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С.-Петербургъ 23-го Іюля 1851 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

ТОРКВАТО ТАССО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

АЛЬФОНСЪ Д'ЭСТЪ, Герцогъ Феррары.

ТОРКВАТО ТАССО.

КОНСТАНТИНИ, Секретарь Альфонса.

СЦИПИОНЪ ГОНЗАГО.

ГАСКАНО.

ДЖУЛІО ГАСКАНО, сынъ его.

АВГУСТИНЪ МОСТИ, Смотритель за больницею Св. Анны.

ДЖУЛІО МОСТИ, племянникъ его.

ДВРАГО.

АНТОНИО, сынъ Корнеліи Серсале.

КЛАВДІЙ РИГИ, Римскій врачъ.

ПРИСТАВЪ за сумасшедшими.

МАРГЕРИТА, принцесса Мантуанская, невѣста Альфонса.

ЛУКРЕЦІЯ, Герцогиня Урбино

ЛЕОНОРА Д'ЭСТЪ } сестры Альфонса.

КОРНЕЛІЯ СЕРСАЛЕ, сестра Торквата Тасса.

БЪЯНКА, нянька ея дѣтей.

РОЗИНА, дочь Смотрителя за Феррарскимъ Герцогскимъ дворцемъ.

Князья и вельможи Италіи; Старшины Рима; Феррарскіе придворные кавалеры и дамы; три дочери Корнеліи Серсале. Римскіе благородные юноши и дѣвы; нищіе; сумасшедшіе; гости Августина Мости; Н.: геній Торквата Тасса; Германскіе путешественники; Римскіе Герольды; народъ Феррарскій и народъ Римскій.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СОФЕНТО.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Корнеліи Серсале.

АНТОНІО, сынъ и **ТРИ ДОЧЕРИ КОРНЕЛІИ СЕРСАЛЕ** сидятъ при столѣхъ за книжками; возлѣ сидитъ шлюха ихъ, **ВЪЯНКА**.

СЫНЪ. Скажи намъ сказку, няня!

ВЪЯНКА. Полно, дѣти!

Пора учиться, день ужъ вечерѣетъ,
А вы двухъ словъ еще не прочитали....

СЫНЪ. Намъ что-то весело....

ВЪЯНКА. А будетъ скучно,

Какъ мамепька воротится домой
И спроситъ васъ, зачѣмъ вы не учились?....

Примчаніе. Торквато Тассо, можетъ быть, въ Исторіи человѣческаго рода составляетъ единственный примѣръ, до какого бѣдственнаго состоянія доводитъ неслучное присутствіе гениа! Можетъ быть читатель моей фантазіи не отыщеть въ ней всѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на многостороннюю жизнь чловѣка, одареннаго — счастливейшимъ даромъ искусства и несчастнѣйшимъ характеромъ; но, милый читатель, это не моя вина. Я полюбилъ Тасса

Еще дитя, въ училищѣ, за книгой;

СЫНЪ. Тсъ! по лѣстницѣ стучать.... идутъ!

ВЪЯНКА.

Ага!

А я вамъ говорила: эй, учитесь!

ТЪ ЖЕ и ТАССЪ (одѣтый простолудинномъ, вошелъ, останавливается у дверей).

ВЪЯНКА. Кто это?.... Что тебѣ угодно?....

ТАССЪ.

Здѣсь-ли

Корнелія Серсале?....

Я съ нимъ росъ, съ нимъ возмужалъ, — и понятія мои о его жизни, постепенно развиваясь въ умѣ моемъ, начали совершенно противорѣчить понятіямъ общимъ; наконецъ образовали фантазію, которую любезный чѣтатель, если ты одаренъ многотерпчивіемъ, читать будешь. Созаюсъ, первый камень фантазіи положенъ въ лѣта самой нѣжной юности; послѣдній, съ трепетомъ, положила рука моя въ то время суроваго опыта, когда мечтанія юности и всѣ пламенные стремленія жаркаго и усерднаго чувства охлаждаются — вопль нынѣшней критики. Въ пустынь нашей Литературы не видимъ каравановъ, богатыхъ числомъ и внутреннимъ достоинствомъ; напротивъ, въ Мекку литературной славы надо *прокрадываться* и во весь путь молить Аллу, да укроетъ одинокаго путешественника отъ хищныхъ взоровъ — невоздержной критики. Знаю, что этия сравненія даю пищу досужей остротѣ литературныхъ назидниковъ: но что будетъ, то будетъ, а я пускаюсъ въ путь и съ кладнокровіемъ ожидаю грозныхъ набѣговъ (1833-го г.)

(Отрывокъ изъ разговора, бывшаго въ 1828 году.) — *Авторъ*..... Тассъ, улычивый Альфонсомъ, умираетъ съ небесной улыбкой на устахъ; Леовора падаетъ къ подножію возвышенія; всѣ прочія лица, изъ важнѣйшихъ, окружаютъ Тасса, образуя полную картинную группу, закрывая глаза или отирая слезы; народъ, по призыву Альфонса и увлеченный собственнымъ чувствомъ горести, преклоняетъ колѣна; занавѣсъ падаетъ. — Вотъ полный планъ моей фантазіи! Правятся ли онъ вамъ?...

NN. Не скажу. Похвалу сочтете лестною; а бравить въ глаза, согласитесь, не всякому приятно! Одно бы только

ВЪЯНКА. Здѣсь; а что?....

ТАССЪ. Мнѣ нужно видѣться....

ВЪЯНКА. Пошла къ вечерни;

Но кончилась, я думаю, вечерня;

Сей часъ придетъ. — Ты сядь и отдохни.

ТАССЪ (*садится у дверей.*)

Благодарю! — Какъ тихо здѣсь! Какъ будто

Живутъ не въ свѣтъ! Это чьи малютки?

ВЪЯНКА. Корнелин Серсале....

желательно мнѣ знать: почему вы такъ жестоко нарушили Исторію? — Зачѣмъ ввели завязку плохую, ничтожную, тогда какъ жизнь нашего героя сама собою богата происшествіями, которыя бы кажется, удовлетворили всѣмъ требованіямъ новѣйшей драмы?!

Авторъ. Вижу, что я дурно изложилъ планъ мой въ этомъ отношеніи. Мнѣ хочется, чтобы всякой читатель догадался, почему я фантазировалъ такъ, а не иначе! Прочтите все, что писалъ Тассъ, и что писано о Тассѣ; сравните сказанія его историковъ, — вы сами согласитесь, что Исторія не всегда гоноритъ правду, ибо для нея закрыты тѣ тайники страстей, куда свободно, какъ подъ волшебной шляпой Тикова Фортуната, перелетаетъ фантазія Поэта....

МН. Вы меня переговорите; въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но еще одинъ вопросъ, — не къ дѣлу, а такъ, изъ любопытства: кому вы посвятите свою фантазію?...

Авторъ. Кому? — Тому, кто жизнь мою украситъ
Простымъ вѣнцемъ, отъ сердца и души!
Кто въ тысячахъ моихъ стиховъ угрюмыхъ
Найдетъ одинъ, достойный похвалы,
И этотъ стихъ въ своемъ запрячетъ сердце,
И каждый разъ, когда я встрѣчусь съ нимъ,
Изъ сердца онъ тотъ стихъ тихонько вынетъ,
Покажетъ мнѣ и съ радостью примолвитъ:
«Ты написалъ, а я храню въ сердце!» —
Ему или ей я посвящу мой трудъ! —
Да съ тѣмъ стихомъ какъ съ факеломъ ночнымъ,
Съ начала до конца мой трудъ проходитъ —
И если смыслъ фантазія проникнетъ.
Не правда ли, онъ будетъ другомъ мнѣ,
А добрый стихъ святымъ кольцомъ союза!...

ТАССЪ. Боже правый!

Она ужъ мать; и четырехъ дтей,
Какъ жизнь свою, какъ радость, обнимаетъ;
А я еще на свѣтъ — сирота!

ВЪЯНКА. Ты не женатъ?

ТАССЪ. Не знаю!

ВЪЯНКА. Какъ не знаешь?

ТАССЪ. Ахъ! я имѣлъ прекрасную подругу!
Казалось мнѣ, что я былъ съ нею связанъ
Божественнымъ какимъ-то, высшимъ бракомъ;
Вся жизнь была — торжественная свадьба!
Мы каждый день другъ друга принимали
Въ горячія объятія... но не долго
Я тынился моимъ летучимъ счастьемъ....

ВЪЯНКА. Что жъ, умерла твоя жена?

ТАССЪ. О! вѣтъ!

Но улетѣла!

ВЪЯНКА. Это право чудно!

А какъ зовутъ твою подругу?

ТАССЪ. Слава!

ВЪЯНКА. Такого имени я не слыхала. —

Ты вѣрно иностранецъ?

ТАССЪ. Да! ты права!

ВЪЯНКА. А изъ какой страны?

ТАССЪ. О, изъ далёкой!

Но, впрочемъ, у меня есть двѣ отчизны:

ВЪЯНКА. Какъ двѣ?

ТАССЪ. Въ одной мое родилось тѣло,
Въ другой душа!

ВЪЯНКА (*отходя къ дѣтямъ въ смущеніи*).

Что это, Боже мой?

СЫНЪ. Кто это, няня, няня!

ВЪЯНКА.

Сумасшедшій!

ДЪТИ (*въ испугъ прижимаясь къ Бьянкѣ*).

Ахъ! Боже мой, какъ страшно!

ВЪЯНКА.

Успокойтесь!

Онъ ничего не сдѣлаетъ худаго,

Онъ только говоритъ не то, что надо!

ТАССЪ (*тихо*).

Часъ слинкомъ! Нѣтъ сестры. Она придетъ!

Мое письмо возьметъ изъ рукъ моихъ же,

Прочтетъ его и пожалуетъ Тасса!

А я, спокойно стоя у дверей,

Въ лицѣ ея прочту всѣ впечатлѣнья, —

Какія на нее письмо навѣтъ.

Вотъ и она....

ТЪ ЖЕ и КОРНЕЛИИ СЕРСАЛЕ.

(Тассъ подходитъ къ ней и почтительно отдаетъ письмо.)

КОРНЕЛИЯ. Письмо! И отъ кого бы?....

(Съ любопытствомъ развертываетъ письмо, читаетъ и заливается слезами; Тассъ бросается къ ней и обнимаетъ ее.)

ТАССЪ. Корнелия! Весь миръ меня оставилъ,

Я самъ себя оставилъ, но въ слезахъ

Моей сестры я снова возродился!

Я снова не одинъ на этомъ свѣтъ!

Родители, отечество, друзья,

Весь міръ, вся жизнь въ тебѣ совокупилсь,

Чтобъ воскресить хладѣющаго Тасса!

КОРНЕЛИЯ. Мой братъ!

ТАССЪ.

Не говори, не говори!

Я весь въ жару, какъ въ первый день восторга,
 Которымъ жизнь меня благословила.
 Дай высказаться пламенному чувству!

—

Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
 И ть, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
 Что нашъ языкъ? — печальный отголосокъ
 Торжественнаго грома, что въ душъ
 Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
 — Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
 Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
 Безумный! Да! — О если бъ ты могла
 Безумье то почувствовать въ себъ,
 Которымъ я всю жизнь мою терзался!
 Вообрази блистательное солнце:
 Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
 Катается въ тяжелой атмосферъ,
 И солнце то, — что жаркими лучами
 Моглобъ весь свѣтъ обрушить въ груди пепла —
 Презрѣнныя затягиваютъ тучи!....
 При всемъ желаніи благотворить
 И согрѣвать существованье міра, —
 Оно должно смотрѣть на разрушенье
 И помощи своей подать не можетъ!
 О, такъ и я, въ сообществе людей,
 Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
 Куда я лучъ любви ни посылалъ,
 Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
 И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
 Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
 Ты не жила на свѣтъ!.... Поживешь!....
 Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
 Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;